

РАЗДЕЛ 6

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Крючек П.С.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ИНТЕНЦИИ К ПРОШЛОМУ

Современный мир, несмотря на весь технологический и научный прогресс, неразрывно связан с прошлым. Мы постоянно оглядываемся назад, ищем в истории то, что еще может послужить современному обществу в обновленном и переосмысленном виде, используем историю для социального конструирования, объединения вокруг общих символических событий прошлого, формирующих национальную и государственную идентичность.

Сегодня в этот процесс вовлечены разнообразные акторы, начиная от государства, профессионального исторического сообщества до общественных объединений и рядовых граждан. Все активнее развиваются альтернативные, неформальные способы презентации истории посредством СМИ, исторических романов, документальных и художественных фильмов, музейных выставок, объектов наследия, телешоу, веб-сайтов и приложений, компьютерных игр и проч. Как следствие, отношения общества с прошлым стали богаче и многограннее, но вместе с тем более запутанными и фрагментарными. В этих условиях в центр исследований прошлого все больше смещаются не сами события, а их интерпретации с позиций различных акторов, механизмы формирования и распространения исторических представлений, способы сохранения исторической памяти, то есть то, что многие современные исследователи объединяют понятием исторической культуры. Такие исследования не только помогают нам понять, как люди связаны с историей или насколько хорошо они ее знают, но и показывают, что история имеет фундаментальное значение для того, как люди воспринимают самих себя.

Тематика прошлого как объекта социального познания обслуживается целым рядом понятий, значения некоторых из них пересекаются, дополняют друг друга, а в ряде случаев претендуют на одну и ту же предметную область.

Классическим примером этого является такая весьма распространенная и многозначная категория как историческое сознание. Историческое сознание – неизбежный элемент усвоения человеком культуры. Выступая в разных формах (как совокупность обыденных, художественных, религиозных, идеологических представлений), историческое сознание первично по отношению к исторической науке и более объемно. Многие исследователи сходятся в том, что историческое сознание имеет индивидуальное и общественное воплощения, причем второе первично. С точки зрения ряда подходов, историческое сознание имеет уровневую организацию: от простых, но чрезвычайно многообразных форм представлений обыденного сознания (низший уровень) до сложных, систематизированных, теоретически обоснованных построений профессиональных сообществ (прежде всего – гуманитарных).

Однако в оценке содержательных аспектов феномена можно встретить существенные теоретические расхождения. А.А. Сидельников выделяет две наиболее общих группы подходов к исследованию исторического сознания [6, с. 111–112]. В рамках первой из них представлены работы, увязывающие феномен сознания с социальным временем. Историческое сознание здесь трактуется как понимание того, каким образом прошлое, настоящее и будущее связаны друг с другом. Вторая группа подходов рассматривает историческое сознание как социальную память. В этом случае историческое сознание часто воспринимается как один из феноменов социокультурной регуляции поведения индивидов и коллективов, социальных групп и сословий, этносов и общества в целом. При этом особое пристальное внимание уделяется оценочному и нормативно-ценностному содержанию исторического сознания, которое носит конкретно-исторический характер [2, с. 9]. Соответственно приведенному различению оценивается функциональное предназначение исторического сознания. В рамках первой группы обычно анализируется его происхождение и уровни (обыденное и теоретическое сознание), связь с другими формами сознания, влияние на культуру и иные сферы жизнедеятельности общества. В рамках второй группы подходов речь идет скорее о том, что историческое сознание – один из феноменов социокультурной регуляции поведения индивидов и коллективов, социальных групп и сословий, этносов и общества в целом [2, с. 9].

Термином, возникшим в результате дальнейшего переноса психологических метафор на социальные явления, и тем самым развивающим исследовательскую оптику анализа исторического сознания, является историческая память и близкие по значению понятия (культурная память, мемориальная культура, культура памяти и др.). Если «сознание» в большей мере интерпретируется в интенциональном смысле (обращенность индивида, группы или общества к прошлому), то память трактуется в контексте хранения информации об этом прошлом. Поскольку само понятие прошлого

отсылает нас к ситуации, в которой невозможен непосредственный контакт с событиями (прошлое – это по определению то, чего уже нет), любые способы восприятия исторической действительности – это, по сути, актуальное восприятие индивидом или группой «воспоминаний» об этой действительности (за исключением ряда оговорок применительно к научному дискурсу). Поэтому в процессуальном смысле «память – это осовременивание прошлого» [1].

Соответственно, ключевой вопрос заключается в том, в каких формах прошлое содержится в социальной памяти, чтобы в дальнейшем стать предметом исторического сознания. В случае «гуманистической» ориентации (первичность индивида) историческая память может трактоваться, например, как «совокупность фактов, событий, конкретных акций, индивидуальных существований, поступков, находящихся в памяти конкретных индивидуумов» [3, с. 97]. Это связано, в том числе, с социальным процессом, названным А. Ассман «поворотом к мемориальной культуре», который сопровождается определенным ростом общественного внимания к личным и неофициальным воспоминаниям, к индивидуальным судьбам, семейным историям, свидетельствам очевидцев, личным архивам, существующим в виде дневников, писем и фотографий, а также к проблемам межпоколенческого воспроизводства традиции [1]. Однако даже в случае индивидуалистской ориентации исследователи отмечают двойственность исторической памяти: «с одной стороны, под исторической памятью можно понимать способность субъекта сохранять воспоминания о пережитом опыте, который является необходимой основой для выработки исторического сознания. С другой стороны, это результат определенных смыслообразующих операций по упорядочению воспоминаний, осуществляемых в ходе формирования исторического сознания путем переработки пережитого опыта» [4, с. 144].

В случае же, если внимание приковано именно к тому, что информация о прошлом выступает регулятивом коллективного поведения, обращают внимание на то, что память нуждается в социальной «инфраструктуре» для хранения и воспроизводства, которую часто обозначают термином «историческая культура». Это предполагает анализ явлений интеллектуальной сферы в контексте социального опыта, исторической ментальности и общих процессов духовной жизни общества [7, с. 9]. Коллективность памяти отражена, например, в классическом определении Л.П. Репиной: «Историческая память понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы) или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» [5, с. 24].

Независимо от того, на каких концептуальных основаниях базируются дискурсы о прошлом, все они оперируют различными коннотациями концепта «история». Можно выделить четыре возможных прочтения данной категории: история как объективный процесс; история как результат научного познания; история как нормативная конструкция или нормативный образ и наконец, «массовая историческая мифология» [8, с. 90].

Объективная история как в основном завершившаяся социальная реальность нередко предстает как своеобразная «вещь в себе». Она подлежит частичному восстановлению при условии использования научной методологии (прежде всего, естественнонаучной, связанной с методами датировки и т.п.), однако в целом она выступает скорее в качестве априорной конструкции, мотивирующей исторический поиск, и «пустого референта» исторического сознания.

История как результат научного познания – это, скорее, корпус текстов (и других артефактов) и правил их производства, содержащих различные версии реконструкции прошлого. Строгое использование научного метода формально делает такую историю уделом академического сообщества, движимого установкой на объективность прошлого.

История как нормативная конструкция, по сути, является производной от социального заказа. Это результат «консенсуса элиты по поводу идеологически и политически приемлемого представления об истории собственного народа, созданного им государства, места и роли этого народа в мировом целом, его перспектив» [8, с. 90]. Модель истории в данном случае является интеллектуальным продуктом, критерий проверки адекватности которого сдвинут с соответствия построений объективному прошлому либо логике научного дискурса в сторону адекватности реализации актуальных общественных функций социализации: религиозной, политической, этнической и т.д. Поэтому строгое следование канонам научного исследования является в таком случае декларативным и необязательным. Социальный заказ подразумевает достаточно произвольное обращение с фактами для достижения текущих целей, реализация которых зависит от социальной инфраструктуры памяти.

Наконец, *историческая мифология*, как явление массовой психологии, не имеет строгих референциальных рамок и практически не содержит механизмов проверки данных на соответствие. Мифологическое сознание «внеисторично по своей глубинной сути <...> Историческая мифология перетолковывает отдельные данные, как правило, относящиеся к событийному пласту исторического процесса, адаптируя их для сознания, не способного к восприятию природы этого процесса» [8, с. 92]. В настоящее время историческая мифология приобрела новое звучание в контексте виртуализации

массовой культуры, благодаря чему, в отличие от национальных историографий, историческая мифология может быть весьма универсальной по форме и индивидуальной по содержанию.

1. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016. – 280 с.
2. Бойков, В. Э. Историческое сознание в современном российском обществе: состояние и тенденции формирования / В. Э. Бойков, В. И. Меркушин // Социология власти: Вестник Социологического центра РАГС. – М. : Изд. РАГС, 2003. – №2. – С. 5–21.
3. Жовтун, Д. Т. Идеологизация исторического сознания / Д. Т. Жовтун // Социология власти. – М., Изд. Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2003. – № 2. – С. 93–97.
4. Путилова, Е. Г. Историческое сознание и историческая память: соотношение понятий на современном этапе / Е. Г. Путилова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 10 (24) : в 2-х ч. – Ч. II. – С. 143–145.
5. Репина, Л. П. Историческая культура как предмет исследования / Л. П. Репина // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. – М. : Круг, 2006. – 768 с.
6. Сидельников, А. А. Феномен исторического сознания и особенности его изучения / А. А. Сидельников // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, серия «Общественные и гуманитарные науки». – СПб., 2006. – Т. 4, № 22. – С. 110–115.
7. Тишков, В. А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник / В. А. Тишков. – Екатеринбург, 2011. – № 2 (31). – С. 4–16.
8. Яковенко, И. Г. История в общекультурном контексте: проблемы бытования форм исторического сознания / И. Г. Яковенко // Личность. Культура. Общество. – М., 2009. – Т. XI, Вып. 4, № 51/52. – С. 89–100.

Конюшихина Н.Л.

ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ В ИСПАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА (ПО «ТОПОГРАФИЧЕСКИМ ДОНЕСЕНИЯМ ФИЛИППА II»)

Большой редкостью и удачей для историка является возможность поработать с источником, в котором напрямую отражены элементы мировосприятия людей давно минувшей эпохи. «Топографические донесения Филиппа II» относятся именно к таким источникам. Речь идет об огромном корпусе документов, который был сформирован в результате письменного анкетирования, проведенного в 1570-е – начале 1580-х гг. преимущественно на территории Новой Кастилии (провинции Мадрид, Толедо, Сьюдад Реаль, Гвадалахара и Куэнка – 88,2% от всех сохранившихся донесений, остальные относятся на Эстремадуру, Альбасете, Аликанте, Хаэн, Мурсию и Саламанку) [4, с. 439–574].

Отличительной особенностью донесений является то, что они были составлены со слов респондентов, специально отобранных для дачи свидетельств из числа жителей того или иного населенного пункта, куда был прислан опросник. Тем самым, в качестве отвечающих могли выступать люди самого разного социального статуса, уровня грамотности и образования – приходские священники, алькальды, рехидоры, члены религиозных братств, представители дворянских и аристократических родов и даже крестыяне, пользующиеся большим авторитетом в своем селении. Поскольку уровень грамотности в Испании эпохи Филиппа II был не очень высоким, ответы респондентов дошли до нас в изложении писцов [5, с. 211–232]. Их вмешательство в процесс составления окончательного документа прослеживается по некоторым фразам-клише, сокращениям и ответам-шаблонам. Несмотря на то, что донесения прошли через редакторскую правку писцов, перед нами предстают живые свидетельства людей той эпохи. Исследователь Ф. Арройо Илера отметил, что единственное отличие анкет Филиппа II от современных в том, что в них спрашивалась информация четырехвековой давности [3, с. 15]. Он уподобил донесения записанному «интервью» устной истории, опрокинутому в прошлое, где респондент являлся всего лишь простым «носителем» или «агентом» информации. Посредством своего рассказа он не только транслировал свои взгляды, но и передавал ценностные установки той социальной группы, к которой принадлежал [3, с. 7–8].

Благодаря тому, что донесения вобрали в себя широкий пласт устной традиции, на их материале можно проследить живой процесс передачи памяти от поколения к поколению и формирование собственного народного нарратива. Диапазон возрастов, на которые ссылаются респонденты, колеблется в пределах от 50 до 115 лет. Чем человек старше, тем весомее считаются его слова. Респонденты Менасальбаса (на юго-западе от Толедо) слышали «от родственников старше 60 лет», что их населенный пункт всегда носил это название [9, с. 89]. В Эскалонилье (на северо-западе от Толедо) есть 70-летние свидетели тех времен, когда там проживало до 70-80 веино [8, с. 381]. Респонденты Каудильи (на северо-западе от Толедо), среди которых есть люди старше 70 лет, никогда не слышали о том, когда и кем было основано это место [8, с. 282–283]. Перо Алонсо из селения Пепино (к северу от Талаверы де ла Рейна) утверждает, ссылаясь на память отца, умершего в 70-летнем возрасте, а также деда, что точное время основания этого селения неизвестно [9, с. 221]. Рамирес де Орехон слышал от клирика Франсиско Эстебана, «которому сейчас больше 110 лет», что после отвоевания Толедо король Альфонсо крестил мавров в том месте, где раньше находилось поселение Пуэбла де Монтальбан (на западе от Толедо) [9, с. 267]. Населенный пункт Фуэнте Эль Сас (северо-восток от Мадрида) «так назывался всегда», о чем респонденты слышали от своих дедов и прадедов, доживавших до 115 лет [10, с. 367].